

И. В. Мотеюнайте

**ПСКОВ И ДРУГИЕ:
МИНИ-ЦИКЛ А. Н. ЯХОНТОВА «НАШИ ГОРОДА»**

Статья посвящена складывающемуся в русской литературе середины XIX в. топосу «провинциальный город»; материалом служит мини-цикл «Наши города» псковского литератора А. Н. Яхонтова (1820–1890). Его художественное творчество демонстрирует свойственную литературе «второго ряда» стереотипность: в образе русской провинции он акцентирует негативные черты, что обусловлено критическими тенденциями в литературном процессе эпохи.

Ключевые слова: история русской литературы, топос «провинциальный город», цикл, литература «второго ряда».

I. V. Moteyunaite

**PSKOV AND OTHERS:
MINI-CYCLE «OUR TOWNS» BY A. N. YAKHONTOV**

The article is dedicated to the topos of «provincial town» formed in Russian literature in the middle of the 19th century. The work is based on the mini-cycle «Our towns» written by a Pskov writer A. N. Yakhontov (1820-1890). His work shows such a distinctive feature of «second row» literature as stereotypes: in his description of Russian province he emphasizes negative aspects, which is consonant to critical tendencies in the literary process of that time.

Key words: the history of Russian literature, topos of «provincial town», cycle, «second – row» literature.

Александр Николаевич Яхонтов (1820–1890) связан с Псковской землей не только рождением и почти сорокалетней общественной деятельностью в области образования и на поприще земства, но и тематикой своих литературных произведений. В частности, он составитель путеводителя «Город Псков и его окрестности», неопубликованной поэмы «Бурый бал», посвященной Псковскому обществу (Вершинина, 2003), и мини-цикла «Наши города», в котором описываются Луга, Псков, Остров и Новоржев.

Этот мини-цикл был опубликован в единственном прижизненном сборнике поэта «Стихотворения Александра Яхонтова» (СПб., 1884), в котором он помещен во второй раздел «Сатирические очерки». Раздел открывается стихотворением «Окно в Европу» и состоит из описаний различных сторон современной автору жизни России: ее состояния после Крымской войны, работы земства, низкого уровня просвещенности, казнокрадства, новомодных увлечений и старых проблем чиновничьей системы России. В этот ряд естественно вписывается тематика интересующего нас цикла: в нем даны концептуальные портреты четырех провинциальных городов.

Включение в ряд псковских городов Луги, входящей с 1782 г. в состав Петербургской губернии, очевидно, отсылает к шутивому пушкинскому тексту «Есть в России город Луга...» (1817). Он был опубликован в 1857 г., в 7 томе подготовленного П. В. Анненковым собрания сочинений Пушкина (Пушкин, 1857, с. 90) и, конечно, был знаком Яхонтову. Пушкинское стихотворение выступает своеобразным «пратекстом» для цикла «Наши города»: лёгкая шутка великого поэта отзывается в стихах Яхонтова несколькими параллелями, в результате выстра-

ивается диалог, со свойственными ему отношениями сближения-отталкивания-продолжения. Сближения относятся, прежде всего, к области авторской оценки и композиции. Как пушкинское стихотворение начинается упоминанием Луги, а заканчивается – Новоржева, так и Яхонтов в начало цикла ставит стихотворение «Луга», а в конец – «Новоржев». Это композиционное выделение поддержано и метрически: «Луга» и «Новоржев» написаны четырехстопным ямбом, а помещенные внутрь цикла «Псков» и «Остров» – четырехстопным хореем, повторяющим размер пушкинской шутки. Соответствует пушкинскому тексту и вектор авторской оценки городов: и Луга нехороша, но Новоржев еще хуже. Есть и другие интересные историку литературы моменты продолжения Яхонтовым Пушкина, однако в данном случае нас будет интересовать отраженное в этих произведениях восприятие провинциального города.

Отношение к маленьким городам как к непривлекательным и не стоящим серьезного внимания передано у Пушкина формой слова *«городшики»*, с уменьшительно-пренебрежительным суффиксом. Яхонтов же в названии использует лексему *«города»*, провоцируя читателя на осмысление не только губернского Пскова, но и уездных Острова, Луги и Новоржева наравне со столицами: «город» – понятие родовое, обобщенное и в культуре символизированное.

Привлекая внимание многих исследователей в последнее время, провинциальный город рассматривается в разных ракурсах. Ядром понятия «город» стало представление о нем как о цивилизационном центре. Многогранность городской жизни заставляет исследователей учитывать разные аспекты: многообразие социальных форм и институтов, выражающих административную, политическую, торговую и культурную деятельность, а также сосредоточенность различных общностей людей в относительно тесном пространстве, обустроенном человеком и отвоеванным им у природы (Линч, 1982; Полосин, 1999; Холл, 1999). Учитывая древность реалии (осмысление города в культуре начинается с библейских Вавилона, Содомы и Гоморры) и ее активное развитие в античности (полисы=города-государства) и в Средневековье, город, со всеми его локальными составляющими (улицы, площади, мосты, тупики, перекрестки, скверы и проч.) становится носителем определенной культурной информации. В результате в современной науке утвердился взгляд на город как на особую знаковую систему, и появилось понятие «городской текст» (Лотман, 2000, с. 299; Меднис, 2003).

В отечественной литературной традиции понятие «город» часто символизируется еще и потому, что его активное освоение началось в связи с Петербургом, городом знаковым в русской истории и имеющим свою мифологию, позволяющую установить соотношение литературных образов с реальностью и уловить в общей картине описания города «городской, Петербургский, текст» (Анциферов, 1991; Топоров, 1995; Лотман, 2002, с. 208–220). О существовании в русской литературе других «городских текстов», даже «московского», исследователи говорят с некоторой осторожностью. Наиболее убедительная попытка предпринята В. Абашевым по отношению к Перми (Абашев, 2000). Сейчас регионоведение активно направляет свои усилия на изучение образов конкретных городов, с целью выявления в них черт многоуровневых знаковых систем, то есть собственно «городского текста» (Давыдова, 1988, с. 86–89; Разумова, 2000, с. 324–334; Милюкова, 2000, с. 347–361; Осипова, 2002; Люсый, 2003).

Для описания русской действительности оказалось важным и другое географическое понятие – «провинция», нерасчлененное и мифологизированное, включающее в себя и locus «провинциальный город» (Белоусов, 1996, с. 201; Зайонц, 2000, с. 20; Клубкова, Клубков 2000, с. 20–30; Журавлева, 2001, с. 33; Белоусов, Абашев, Цивьян, 2004; Сайко, 2004, с. 35–37; Деткова, 2009, с. 63–69). Отражение в литературе провинциальных городов теснейшим образом связано с пересечением этих в равной степени мифологизированных пространств.

В данной работе хотелось бы остановиться, прежде всего, на одном аспекте восприятия провинциального города: антитезе исторического прошлого и современности. Учитывая древность Псковского края, важность этого аспекта вполне естественна.

В первом же стихотворении цикла «Наши города» намечается тема исторической важности места: «В ней [Луге] нет и древности следа / – В ней грязь и скука только древни»

(Яхонтов, 1884, с. 107). В стихотворении «Остров» называются «древняя крепость» и «новый мост», встречается обращение «старина» и имплицитно содержится память о славном героическом прошлом в выражении «кичишься славою, / Что находишься в связи / С привислянкою Варшаваю» (Яхонтов, 1884, с. 109). В целом же автор сосредоточен на современной жизни Острова, оцениваемой негативно. В стихотворении «Новоржев» история присутствует в рассказе о рождении города по указу Екатерины, вступившей в безрезультатную борьбу с Богом, желая устроить город на месте, пораженном «Божьим гневом», поэтому, по логике текста, в современной жизни города отсутствуют как приметы совместной деятельности людей, так и проявления индивидуальной жизни человеческого духа. Таким образом, в трех стихотворениях цикла героическое прошлое поглощено неприглядным настоящим, представляющим основной интерес для автора. Главным же произведением по интересующей нас теме становится стихотворение «Псков (в 1853)», которое выделяется в цикле двухчастным построением, отражающим антитезу «Добрый *старый* Псков» и «*новый* Псков» (выделено мною. – И. М.). В первоначальном, опубликованном в 1870 г. в «Отечественных записках» варианте стихотворения, эта антитеза вынесена в название: «Старый и новый Псков» (Никитина, 2003, с. 82–83).

Стихотворение «Псков» отличается от других в цикле, прежде всего, способом повествования. «Луга», «Остров» и «Новоржев» представляют собой рассказ, сюжет которого организован ситуацией рассказывания: автор обращается, вспоминает («бывало...»), видит («Вид...»), рассказывает, подводит итог увиденному. Образ говорящего здесь ближе всего эпическому образу повествователя, рассказывающего нам о месте, которое ему довелось посетить. Субъект речи естественно присутствует в текстах, оформленных как обращения: к чиновникам («Луга») или к городу («Остров»). Яркими стилистическими приметам этих двух текстов становятся грамматические обращения: «Благодарю вас, господа...», «Валяйте мимо, господа!» («Луга»), или: «Остров! Тонешь ты в грязи...» «Мог бы, право, совершить / Ты хоть что-нибудь полезное», «Вообще ты, старина...» и т. д. («Остров») (Яхонтов, 1884, с. 107, 109). В «Новоржеве» субъект речи заявляет о себе риторическими вопросами и восклицаниями: «И угораздило ж их тут / похоронить себя заране!», «Чего хотят они и ждуть? / Чего?!» (Яхонтов, 1884, с. 111). Кроме того, здесь мифологизированная история возникновения города, включающая прямую речь основательницы, сменяется личным признанием рассказчика: «Берёт отчаянье при въезде / Берет при выезде опять!» (там же). Повествовательной формой речи с живой рассказывающей интонацией оправданы и встречающиеся в этих текстах снижено разговорные выражения: «ох! болят бока!», «что шаг, то лужа» («Луга»), «Вот – велел бы...», «киснешь» («Остров»), «для показу», «не сыскать», «угораздило ж», «нашлися», «в ум не придет» («Новоржев»).

В отличие от этих стихотворений, «Псков» представляет собой описание; это ряд картин прошлого и настоящего в форме скопления номинативных предложений. Подобная композиционная форма – довольно редкая – была четырежды опробована современником Яхонтова А. Фетом: «Чудная картина» (1842), «Это утро – радость эта» (1881?), «Только в мире и есть» (1883), «Шепот, робкое дыханье» (1850). Последнее вызвало, как известно, бурную реакцию современников. Напомню, что Салтыков-Щедрин увидел в нем «мир неопределённых мечтаний и неясных ощущений, мир, в котором нет прямого и страстного чувства, а есть только первые, несколько стыдливые зачатки его, нет ясной и положительно сформулированной мысли, а есть робкий, довольно тёмный намёк на неё...» (Салтыков-Щедрин, 1951, с. 54). Отсутствие ясности и определенности в этом тексте – знак *лирической* поэтики, развитой авторами позднейшего периода – современниками Фета в большой степени связывалось с необычным построением стихотворения. Пародии на него печатались практически во всех сатирических журналах второй половины XIX века: «Свистке» (1860. № 5. С. 28), «Будильнике» (1874. № 19. С. 6; 1877. № 7. С. 10; 1880. № 2. С. 44), «Стрекозе» (1876. № 10. С. 5), «Весельчаке» (1859. № 6. С. 69), «Развлечении» (1864. № 24. С. 382), «Искре» (1860. № 25. С. 346; 1861. № 13. С. 200; 1862. № 25. С. 346; 1864. № 25. С. 351; 1864. № 32. С. 431 – всего 5). Анализируя эти пародии, И. Игнатова приходит к заключению: «... в результате

подобного переосмысления формальных особенностей поэтики Фета стихотворные пародии на «Шёпот...» приобретают характер: заурядной новеллы; бытовой зарисовки; общественно-политического памфлета» (Игнатова, 2004, с. 22).

Этот вывод представляется важным для нашей темы: перечисление номинативных предложений при создании стихотворения зачастую приводит к тому, что получается нечто близкое эпическому произведению, где доминирующим началом выступает передача информации о внешнем мире. При этом степень удаленности автора от изображаемого различна, но она обязательна, то есть изображение приближается к сатирическому. В лирическом тексте обсуждаемая композиционная форма требует особых внутренних связей между номинативными фрагментами; наличие таких связей в фетовских текстах блестяще показано М. Л. Гаспаровым: это движение взгляда, развитие символической образности, движение цвета, звука или времени (Гаспаров, 1997, с. 21–32). То есть в лирической форме подобной композиции обязательно выражение какого-то движения, придающего тексту динамику, а картине, в нем изображенной, единство.

В отличие от фетовских безглагольных стихотворений, обнаружить у Яхонтова композиционный принцип, движущий мыслью автора и организовывающий номинативные конструкции в единую систему, затруднительно. Например, автор игнорирует напрашивающуюся в таких случаях географическую, хронологическую или историческую логику.

Начнем с географии. Названные в первых пяти стихах реалии (меч Гавриила, Троицкий собор, могила Довмонта, чудотворные иконы и старые стены) можно считать принадлежностью локуса сакрального городского центра (Кремля), но для этого надо допустить, что несуществующую «Князя Довмонта могилу» метонимически обозначает «высокий ящик очень простой работы» с «дубовым гробом с плоской крышкой» в нем (Окулич-Казарин, 1911, с. 78) или руины Довмонтова города. Под неопределенными «чудотворными иконами», которых в Пскове около десятка, автор мог подразумевать четыре находящиеся в Троицком соборе: Святой Равноапостольной Великой княгини Российской Ольги, Святого блаженного Николая Псковского чудотворца, Благоверного князя Всеволода-Гавриила Псковского чудотворца, Благоверного князя Довмонта-Тимофея Псковского чудотворца. Но он мог иметь в виду и иные, хранящиеся в других, разбросанных в разных частях города храмах (Никитина 2003: 80) – тогда наше предположение о концентрации реалий в одной точке, в Кремле, ошибочно. Упоминание в шестом стихе башни (Покровской) заставляет читателя яхонтовского стихотворения перенестись в район города, достаточно удаленный от Кремля, но связанный с ним рекой Великой и протянувшейся вдоль нее последней крепостной стеной. Появляющийся затем в тексте Мирожский монастырь возвращает нас к реальному городскому ландшафту: достаточно повернуть голову, и увидишь монастырь, расположенный почти напротив Покровской башни на другом берегу Великой. Но упоминание «обмелевшей Псковы» заставляет читателя преодолеть значительное пространство: она закрыта от взгляда из Мирожки (или от Покровки) рекой Великой, крепостными стенами, высоким Кремлем и, наконец, большим в пределах города расстоянием. Названный далее Ольгин ключ – святыня скорее легендарная – расположен около Великой и связан ею с Мирожским монастырем, но никак не с Псковой; а «Паганкины палаты», стоящие в обжитом центре города, достаточно удалены и от Псковы, и от Ольгиного ключа. Автор данного описания не охватывает город последовательно движущимся взглядом и вряд ли путешествует по нему мысленно. В результате, картина выстраивается, действительно, «из заплат», выступающих «следами – кой-где – былых веков».

Так же хаотична она и с хронологической точки зрения: от XI века (Всеволод-Гавриил) читатель, вслед за автором, движется к XVII (Троицкий собор в его современном виде), затем назад к «могиле» Довмонта, жившего в XIII в., и к совсем не привязанной к истории «старине». Потом мы оказываемся в раннем Средневековье, когда возводились городские стены Пскова, движемся к рубежу XV–XVI и XVII векам, когда строилась и регулярно поновлялась Покровская башня. Дойдя в описании почти до Нового времени, читатель вновь обращается, благодаря Мирожскому монастырю, к XII веку, чтобы вернуться в современность, к обме-

левшей Пскове, перенестись в самую древность (X в.), освященную именем Святой Равноапостольной Великой княгини Российской Ольги, и остановиться на XVII веке: Поганкины палаты – образец гражданского строительства именно этой эпохи. Увидеть хронологическую логику в этих скачках по векам трудно.

Историческую логику тоже: знаки воинской доблести Пскова соседствуют в описании с их сакральными следами, но и просто с архитектурными памятниками и приметамы быденной жизни, неизменно снижающими героический образ. Он распадается и из-за неорганизованного соседства фактов (меч, собор, стены, башня, монастырь), легенд (об Ольгинском ключе) и собственного авторского домысла (например, о могиле Довмонта), или не очень ясной иронии в упоминании Ольги Михайловны урожд. Бибиковой, вдовы героя Отечественной войны Александра Фигнера, воспетого Жуковским.

В итоге представленное Яхонтовым перечисление, призванное создать исторический образ славного древнего города, остается перечнем примет различного плана. Описание внешне не связанных между собой городских примет окрашено легкой авторской иронией, благодаря совмещению стилизаций «чудотворная», «в дни оны», «От Батура-короля», «старья» и разговорных «кой-где», «да» в значении «и». Оно более похоже на прозаический текст информативного характера с фрагментарной композицией. Однако признаки стихотворной речи (запись в столбик, регулярный ритм и рифма) все-таки оказываются сильнее любой логики: они организуют текст. Отмечу, что при безупречном слухе Яхонтова-переводчика, всегда стремящегося адекватно передать звучание, например, античного стиха (Константинова, 2011, с. 119–137), Яхонтову-поэту случалось бывать небрежным в метрической организации собственных произведений; в частности, он относительно легко переставлял ударения в словах, ради сохранения метра. В анализируемом же цикле подобных небрежностей не встречается: это чисто звучащий силлабо-тонический стих, с традиционной и в меру разнообразной рифмовкой. Например, в «Луге» и «Новоржеве» используется перекрестная, парная и кольцевая; в «Пскове» – перекрестная и парная; в «Острове» – только перекрестная. Гладкий силлабо-тонический стих магически действует на слушателя: многие псковичи слышат в этой части гордость славным прошлым города.

Рассмотрим вторую часть стихотворения, где современность представлена конкретными приметамы как городского ландшафта (Дом собрания, городской сад, палаты чиновников, клуб, кабаки, шоссе), так и жизни горожан. Их служба в палатах, игра в карты по минимальной ставке, страсть к сплетням – словно фрагменты мозаики, взятые из картины типичного провинциального бытия, отраженного в современной Яхонтову русской литературе. Отсутствие чего-то своеобразного в реалиях городского ландшафта объясняется практикой уездного и губернского градостроительства и распространением в нем типовых проектов. Этот факт и отразился в русской литературе топосом: «...город никак не уступал другим губернским городам» (Гоголь, 1984, с. 9), – начинает Гоголь в «Мертвых душах»; «В ***», – впрочем, нет никакой необходимости астрономически и географически точно определять место и время, – в XIX столетии были в губернском городе NN дворянские выборы» (Герцен, 1955, с. 69), – продолжает Герцен в романе «Кто виноват»; и Яхонтов вторит им обоим в составленной им книге «Город Псков и его окрестности»: «Губернский город Псков, в настоящее время, ничуть не лучше большинства других наших губернских городов, а в сравнении со многими из них будет, пожалуй, еще и похуже» (Яхонтов, 1886, с. 4).

Эта мысль, высказанная прозой в путеводителе, в стихотворении выражается иллюстративно: перечислением ряда картинок и эпизодов. Все они имеют многочисленные параллели в литературе: см. высмеянный Гоголем в «Мертвых душах» городской сад и «Городской, в болоте, сад» у Яхонтова; или «клубную» тему как непрменный атрибут дворянской жизни, отраженную русскими писателями от Грибоедова до Толстого, и ее сниженный вариант в яхонтовском тексте. Особенно важно для нас, что ряд приводимых Яхонтовым примет псковской жизни встречается и в мемуарных текстах о Пскове, причем в них, в силу особенностей мемуарного жанра, скорее в качестве индивидуализирующих, чем типичных.

Например, А. Г. Достоевская, вспоминая лето 1859 г., которое она провела у троюродной сестры своего отца – Ирины Трофимовны Ракитиной, жившей в Пскове, наряду с обильной едой, недобрыми приживалками богатых домов, религиозностью юных монастырских воспитанниц, вспоминает и склонность жителей Пскова к сплетням (Достоевская, 1987, с. 56–63). Ср. у Яхонтова: «К сплетням страстная охота». Еще одна параллель – статья «Псков» из цикла Н. С. Лескова «С людьми древлего благочестия», посвященная изучению псковских старообрядцев. Она была написана в 1863 г. и тогда же опубликована в «Библиотеке для чтения» (№ 11 за 1863 год и № 9 за 1864). В этой статье читаем: «Во время пребывания в Пскове я жил в гостинице, — даже забыл теперь, как она называется. Знаю, что она приходится где-то на стрелке двух улиц и ход в номера через *трактир*. Прегадкая гостиница! лакеи обсчитывают не хуже *берлинских кельнеров*, а клопы точно вишни владимирские. Целые ночи я спал на окне, на котором по целым дням писал, отдыхая утомленными глазами на раскаленной *мостовой, совершенно пустой в течение всего дня, губернской улицы*» (Лесков, 1996, с. 507. Выделено мною. – И. М.). Ср. с яхонтовским: «Мир и сон неодолимый, / Немцы всюду, кабаки» (Яхонтов, 1884, с. 109). Наконец, устойчивый мотив, характеризующий жизнь провинции – стремление из нее уехать – мотив, уже Щедриным в «Губернских очерках» поданный как типичный («Жалобы на Крутогорск составляют вечную канву для разговоров; за ними обыкновенно следуют стремления в Петербург» (Салтыков-Щедрин, 1951, с. 54)) и закрепленный позднее Куприным в «Поединке» и Чеховым в «Трех сестрах». У Яхонтова он практически завершает описание: «Да за Лугою столица, / Как пленительный мираж; / Ожидание чего-то / От шоссе и от паров» (Яхонтов, 1884, с. 109).

Все указанные (и ряд не указанных) параллелей заставляют предполагать, что текст Яхонтова представляет собой попытку составить стихотворный псковский портрет из общеизвестных мест, знакомых любому читателю, а не только жителю Пскова. Хотя сравнение журнальной публикации с текстом стихотворения в сборнике, на первый взгляд, показывает стремление поэта к конкретизации реалий: он уточняет место расположения городского сада «в болоте» (речь идет, очевидно, о Кутузовском саде (Никитина, 2003, с. 82)); но другое исправление говорит об обратном. Яхонтов заменяет эпитет «*Златоверхий* наш собор» в журнальной публикации на «*Пятиглавый* наш собор» в сборнике. Позолоченный в 1851 г. центральный купол Троицкого собора в 1871 был перекрашен в серый цвет (Никитина, 2003, с. 80). В заголовке стихотворения в сборнике есть дата «Псков (в 1853)» (в отличие от «Старый и новый Псков» в «Отечественных записках» 1870 г.). Таким образом, если бы Яхонтов стремился к исторической точности реалий, то он должен был оставить «Златоверхий», однако он отступает от исторической достоверности и останавливается на отражающем «сегодняшний день» и более типичном: «пятиглавый».

В целом во второй части стихотворения представлен ряд картин, формирующих образ города. Его единственное отличие от традиционного очерка или путевых заметок – стихотворная форма речи. Однако она опять же обнажает, видимо, важную для автора мысль. Последний стих каждой части («Вот он – добрый старый Псков!» и «Вот он, вот он – новый Псков!») не столько разъединяет прошлое и настоящее Пскова, сколько объединяет их в общую картину обесмысливаемого людьми земного бытия. Функция рефрена в стихотворении – обозначить циклическую повторяемость провинциальной жизни, ее своеобразную «дурную бесконечность». Не случайно при публикации стихотворения в сборнике Яхонтов убрал антонимы из названия, оставив только топоним: «Псков».

Это соображение поддерживается и анализом стиховой композиции. При публикации в сборнике Яхонтов уравнивает количества стихов в обеих частях: в журнале было 17+16, а в сборнике 17+17. Добавление строки вызвано заменой: «Да один актер изрядный, / Да чиновники палат» на «А зимою заурядный / Воздух в комнатах прохладный; / В них чиновники палат». Упоминание актера – достаточно своеобразная деталь, понятная современникам, – сменяется нейтральной характеристикой воздуха в помещениях; однако это позволило несколько разнообразить рифмовку: вместо самого заурядного чередования женской и мужской

рифм (АБАБВгВг...) получилось чуть более интересное, с удвоением в одном месте (АБА-АБВгВг...), соответствующее рифмовке фрагмента в первой части стихотворения: «... Чудотворныя иконы, / Стены старого Кремля; / Башня, славныя в дни оны / Чудной силой обороны / От Батура-короля...».

Но самое важное для нас, что в этом стихотворении следом авторского присутствия можно считать лишь отчуждение от изображаемого, признак именно сатирических текстов. Яхонтов не стремится сделать его лиричным: создать композиционно стройную картину, выстроить лирический сюжет, или «обогреть» описание эмоцией. Этим он решительно отличается от Пушкина, снабдившего Новоржев эпитетом «мой», значение которого: «в каком-нибудь отношении близкий мне, чем-нибудь связанный со мной» (Словарь языка Пушкина, 2000, т. 2, с. 638). Это местоимение, стоящее в сильной позиции конца стиха и финала текста, наряду с полушутливой интонацией четырехстопного хорея, позволяет читателю оценить пушкинский текст как меткую шутку, как личное восприятие негативных явлений во все же родном пространстве России.

Подводя итог, скажу следующее. Показательно, что описывая провинцию, даже биографически близкую, обжитую и родную, Яхонтов прибегает к сатире. Этот факт литературы «второго ряда» показывает, насколько были сильны в художественном сознании эпохи критические тенденции. Анализ стихотворений о провинциальных городах показывает силу традиционных убеждений, которые руководят сознанием литератора, даже при обращении к теме, в наибольшей степени допускающей индивидуальные решения. При начавшемся развитии этнографии и появлении краеведческих и исторических описаний, нацеленных на обнаружение индивидуального и самобытного в разных регионах, авторы-беллетристы, обращаясь к провинции, часто акцентировали ее однообразие и типичность ее локусов, мифологизируя её образ. Яхонтов в этом не исключение; в произведении «Роковое слово» столь же малоизвестного автора позапрошлого столетия, А. Круглова, место действия характеризуется так: «Где этот городок, в какой полосе России и под каким названием значится на карте государства Российского – читателю знать не надо. Пусть будет это город Глупов – нарицательное имя, чрезвычайно удачно придуманное Щедриным для наших провинциальных городов. Все они и общества, живущие в них, одного поля ягоды: что случилось сегодня в одном из них, завтра или послезавтра, можно ручаться головой, случится в другом, если не случилось уже прежде» (Круглов, 1890, с. 259.)

Эта тенденция проясняет категоричность оценки русской провинции в литературе позднейшего периода (рубежа веков) и в литературоведении XX века. Например, М. М. Бахтин, отмечая, что существует несколько разновидностей «хронотопа провинциального городка», в том числе идиллическая, подробнее останавливается на его флюберовском варианте: «Люди в этом времени едят, пьют, спят, имеют жен, любовниц (безроманных), мелко интригуют, сидят в своих лавочках или конторах, играют в карты, сплетничают... Это густое, липкое, ползущее в пространстве время». (Бахтин, 1975, с. 396). По еще более резким выводам В.В. Абашева, для образа провинциального города «характерны удаленность от центра не как географическое, а как онтологическое свойство, изолированность в пространстве, особая темпоральность с характерной замедленностью, сонностью и иллюзорностью, вплоть до остановки времени. Провинциальный город как литературный локус характеризует засасывающая вязкость жизни как метафизическое качество, чувство обреченности, которое пронизывает существование, господство массового, стереотипного, рутинного над индивидуальным и творческим и т. д.» (Абашев, 2000, с.53). Подобное осмысление провинции, конечно, не было единственным в XIX веке, но оно явно доминировало в сознании демократически ориентированного большинства.

Свою литературную работу Яхонтов считал равноправной частью гражданского служения (Вершинина, 2011, с. 9–10). Он автор единственного поэтического сборника, но прекрасный переводчик античных поэтов и немецких романтиков: Шиллера, Гете, Гейне (Сашина, 2011, с. 103–118); составитель выдержавших множество переизданий книг для детей и народ-

ного чтения («Приключения Робинзона Крузо», «Народная война 1812 года») и путеводителя «Город Псков и его окрестности»; сотрудник ряда журналов Санкт-Петербурга в 1870-е годы. Человек «меланхолического склада» души, Яхонтов в себе видел, главным образом, гражданина, поэтому ему оказалась близка мысль демократического крыла общества о том, что служение гражданским идеалам требует, прежде всего, разоблачения пороков. Это отразилось и в его художественном описании родного Пскова.

Литература

1. Абашев В. В., 2000. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь : Изд-во Пермского университета.
2. Анциферов Н. П., 1990. Душа Петербурга. Л. : Ленинградский комитет литераторов Агентство Лира.
3. Бахтин М. М., 1975. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М. : Художественная литература.
4. Белоусов А. Ф., 1996. Художественная топонимия российской провинции: к интерпретации романа «Город Эн» // Писатель Леонид Добычин. Воспоминания, статьи, письма. СПб. : Журнал «Звезда». С. 198–205.
5. Вершинина Н. Л., 2003. А. Н. Яхонтов и Псковский край // Псков в российской и европейской истории: Международная научная конференция: В 2 тт. Т. 2. М.: МГУП. С. 109–117.
6. Вершинина Н.Л., 2011. «Безупречный рыцарь» нового времени Александр Николаевич Яхонтов. Псков: «ЛОГОС Плюс».
7. Гаспаров М. Л., 1997. Фет безглагольный Композиция пространства, чувства и слова // Избранные труды. Т. II. О стихах. М.: Языки русской культуры. С. 21–32.
8. Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. / Сост. Белоусов А. Ф., Абашев В. В., Цивьян Т. В., 2004. М. : Языки славянской культуры.
9. Гоголь Н. В., 1984. Собр. соч. : В 8 тт. Т. 5. М. : Правда.
10. Герцен А. И., 1955. Собр. соч.: В 30 тт. Т. 4. М. : Изд-во Академии наук СССР.
11. Давыдова А. Н., 1988. Архангельск: семантика городской среды в свете этнографии международного морского порта // Культура русского севера. Л. : Наука. С. 86–89.
12. Деткова Н. Ю., 2009. Малый провинциальный город как текст культуры // Вестник Челябинского государственного университета. № 18 (156). Философия. Социология. Культурология. Вып. 12. С. 63–69.
13. Достоевская А. Г., 1987. Воспоминания. М. : «Правда».
14. Журавлева А. И., 2001. Город Глупов и город Калинов // Щедринский сборник: Статьи. Публикации. Библиография. Тверь: Изд-во Тверского ун-та. С. 30–37.
15. Зайонц Л., 2000. «Провинция» как термин // Русская провинция: миф – текст – реальность. М. : СПб. С.12–20.
16. Игнатова И., 2004. О вариациях по поводу одного стихотворения Фета // Литература (1 сентября) № 29. С. 19–23.
17. Казакова Л. А., Топонимические предания как художественное явление (по материалам фольклорного архива ПсковГУ) // Настоящий сборник.
18. Клубкова Т. В., Клубков П. А., 2000. Русский провинциальный город и стереотипы провинциальности // Русская провинция: миф – текст – реальность. М. : СПб. С. 20–30.
19. Константинова С. Л., 2011. «Римские элегии» и «Эпиграммы из Венеции» И. – В. Гёте в переводах А.Н. Яхонтова // Творчество А. Н. Яхонтова в контексте русской и зарубежной культуры. Псков : «ЛОГОС Плюс». С. 119–137.
20. Круглов А. В., 1890. Губернские сказки. М.
21. Линч К., 1982. Образ города. М. : Стройиздат.
22. Лесков Н. С., 1996. С людьми древнего благочестия. (Гл. Псков) // Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 тт. Т.3. М. : Терра. С. 482–588 (498–511).
23. Лотман Ю. М., 2002. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб. : Искусство-СПБ. С. 208–220.
24. Лотман Ю. М., 2000. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ.
25. Люсьи А. П., 2003. Крымский текст в русской литературе. СПб. : Алетейя.
26. Меднис Н. Е., 2003. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: Изд. НГПУ.

27. Милюкова Е.В., 2000. Челябинск: окно в Азию или край обратной перспективы // Русская провинция: миф – текст – реальность. М. : СПб. С. 347–361.
28. «Московский текст» русской культуры 1997 // Лотмановский сборник. Вып. 2. М. : РГГУ. С. 483–836.
29. Никитина Н. П., 2003. Стихотворение А. Н. Яхонтова «Псков» // Псков. № 19. С. 79–83.
30. Окулич-Казарин Н. Ф., 1911. Спутник по древнему Пскову. Псков.
31. Осипова Н. В., Вятский текст в культурном контексте // Биноколь. Вятский культурный журнал. № 16, февраль 2002. (<http://www.binokl.vyatka.ru/TITLES/index.htm>)
32. Полосин В. С., 1999. Миф. Религия. Государство. М. : Ладомир.
33. Пушкин А. С., 1857. Сочинения Пушкина. Седьмой, дополнительный том. Издание П. В. Анненкова. СПб. С. 90.
34. Разумова И. А., 2000. «...Как близко от Петербурга, но как далеко» (Петрозаводск в литературных и устных текстах XIX–XX вв.) // Русская провинция: миф – текст – реальность. М. ; СПб. С. 324–334.
35. Сайко Е.А., 2004. Социокультурный портрет российской провинции Серебряного века // Культур-диалог философии и искусства в эпоху Серебряного века. М.: Изд-во РАГС.
36. Салтыков-Щедрин М. Е., 1966. Стихотворения Афанасия Фета / Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 тт. Т.5. М. : Художественная литература. С. 383–387.
37. Салтыков-Щедрин М. Е., 1951. Собр. соч. Т. 1. М.: Художественная литература.
38. Сашина Е. В., 2011. А. Н. Яхонтов-перводчик // Творчество А. Н. Яхонтова в контексте русской и зарубежной культуры. Псков : ЛОГОС Плюс. С. 103–118.
39. Словарь Языка Пушкина, 2000. Т.2. З-Н. М. : Азбуковник. С. 638.
40. Спивак М., 2006. «Заветные Грязищи» и «славный город Лихов» : топонимика // Спивак, М. Андрей Белый – мистик и советский писатель. М. : РГГУ.
41. Топоров В. Н., 1995. Петербургские тексты и Петербургские мифы // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М. : Издательская группа «Прогресс»–«Культура».
42. Холл Дж., 1999. Словарь сюжетов и символов в искусстве. М. : КРОН-ПРЕСС.
43. Яхонтов А. Н., 1884. Стихотворения Александра Яхонтова. СПб.
44. Яхонтов А. Н. 1886. Город Псков и его окрестности. СПб.